

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.172.11>

Data przesłania artykułu: 31.07.2019

Data akceptacji artykułu: 10.09.2019

ANNA ŚWIETLIK

Uniwersytet Wrocławski, Polska

Творчество Евгения Харитонова как часть русской культурной памяти

Современные исследования, посвященные литературе как медиуму культурной памяти, все чаще сосредоточены на том, какое место занимает литература в пространстве культурной памяти и какую функцию выполняют литературные тексты в этом пространстве. Следует тоже задать вопрос, какими являются взаимоотношения этих двух областей. Точным является замечание, что „тесная взаимосвязь литературы и искусства памяти основана на том, что обе культурные практики создают образы для запоминания и сохранения”¹. Кроме того, как культура, так и память имеют динамичный характер. Юрий Лотман сказал по этому поводу следующее:

Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и „как бы перестает существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться „как бы не существующим” и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым².

Следует подчеркнуть, что предлагаемая Лотманом концепция относится, в том числе к художественной литературе. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что „забывание” и „припоминание” текстов в рамках культурной памяти зависит от ценностей настоящего.

В силу такого тематического ранжирования, обусловленного социально-политической обстановкой и изменениями в области общественной нравствен-

¹ О. Переходцева, *Концепции памяти в современном западном литературоведении*, „Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология” 2012, № 1, с. 159.

² Ю. Лотман, *Память в культурологическом освещении*, [в:] *idem, Избранные статьи*, Таллин 1992, т. 1, с. 201.

ности, в свое время многие произведения не оказались на соответствующем месте в литературной иерархии. Сегодня в русском культурном пространстве „забвению” или, скорее, замалчиванию подвергается квир-литература, в том числе советских времен. Как замечает австрийский социолог Терезе Гарстенауэр, „нынешнее положение гендерных и квир-исследований в России можно описать скорее в мрачных тонах”³. Именно поэтому глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов русской квир-литературы или истории гомосексуальности содержится прежде всего в трудах западных ученых⁴. В России подобная проблематика остается все время на периферии академической науки. Маргинальными являются также исследования сексуально-гендерного диссидентства в СССР⁵. Отсутствие научного интереса к перечисленным вопросам, в том числе в области литературоведения, естественно причиняется к „забыванию” и вычеркиванию гомосексуального литературного сюжета из русской культурной памяти.

Было бы опрометчивым сказать, что Евгений Харитонов пополнил список забытых имен русской литературы исключительно из-за тематики своих произведений. В сущности, совокупность нескольких причин, во главе с гомосексуальной любовью как лейтмотивом текстов, предрешила творческую судьбу автора.

Следует подчеркнуть, что Харитонов никогда не претендовал на получение официального признания⁶. Лишь узкий круг доверенных друзей знал, что этот молодой и талантливый режиссер-постановщик Московского театра мимики и жеста является весьма значимой фигурой столичного литературного андерграунда. Наиболее плодотворным периодом для Харитонова были 70-е вплоть до его внезапной смерти в июне 1981 года. Проживший всего 41 год, автор оставил литературное наследие в виде сборника неопубликованных машинописей, прозы, стихов и театральных пьес. Харитонов, естественно, не рассчитывал на возможность публикации своих текстов, о чем вспоминала его подруга, драматург Нина Садур: „[...] я помню, как

³ Т. Гарстенауэр, *Гендерные и квир-исследования в России*, „Социология власти” 2018, № 1, с. 167.

⁴ С момента появления научных работ сексолога и социолога Игоря Кона, посвященных в том числе истории гомосексуальности, в России не была опубликована ни одна значимая отечественная научная работа на эту тему. Зато следует выделить две важные публикации западных авторов, переведенные на русский язык: Д. Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства*, науч. ред. Л. Бессмертных, Ю. Михайлов, пер. Т. Логачева. В. Новиков, Москва 2008; *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей*, ред. А. Кондаков, Санкт-Петербург 2014.

⁵ И. Ролдугина, „Почему мы такие люди?”: *Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России*, „Ab Imperio” 2016, № 2, с. 183.

⁶ Я. Могутин, *Каторжник на ниве буквы*, [в:] Е. Харитонов, *Слезы на цветах*, Москва 1993, с. 9.

мы с Женей вышли на улицу из его дома, [...] и он говорит: «Боже мой, еще 50 лет никто меня печатать не будет!»⁷. Этот пессимизм был вполне обоснованным, ведь в середине застойной брежневской эпохи даже в голове заядлого антисоветчика перспектива распада СССР была скорее сюрреалистическим сновидением, чем реальным будущим. Не удивляет следовательно факт, что и диссидент-гомосексуал Харитонов не допускал мысли о возможной отмене цензуры и никак не мог предусмотреть, что уже в 1991 году несколько его произведений будут напечатаны в литературной рубрике журнала „Искусство кино“⁸, а спустя два года в свет выйдет двухтомный сборник его трудов под названием *Слезы на цветах*⁹. Не мог Харитонов и предусмотреть того, что все его произведения будут изданы посмертно. Отсутствие автора в момент публикации текстов, учитывая их довольно сложное содержание, нарушает объективную перцепцию и способствует возникновению непонимания среди читателей.

Благодаря ослаблению, а в конечном счете отмене цензуры, в начале 90-х годов вернул себе благосклонность литературной среды основоположник русской гомосексуальной прозы Михаил Кузмин. В течение многих лет его литературное наследие было предметом исследований прежде всего американских ученых, а сами произведения, за исключением избранных стихов, не печатались в Советском Союзе почти 70 лет¹⁰. Невозможно рассматривать произведения Кузмина, не затрагивая важнейшего аспекта творчества, то есть гомосексуальной любви, которой русские кузминоведы в новых научных работах уделяли немало внимания. Итак, следует задать вопрос, почему в начале 90-х годов внимание русских исследователей было сосредоточено именно на творчестве Кузмина, в то время как только что опубликованные тексты других отечественных представителей гомосексуальной прозы оставались второстепенными и почти незамеченными. Ответ представляет собой совокупность нескольких причин. Во-первых, Кузмин почти сразу после публикации первых текстов в 1906 году стал весьма значимым голосом в литературном дискурсе того времени, о чем писал Николай Богомолов:

Выход „Сетей“ ознаменовал собою важную веху в творческой биографии Кузмина: отныне он воспринимался критиками и читателями как один из самых заметных, самых популярных писателей современности¹¹.

⁷ Д. Волчек, *В двойном подполье*, <https://www.svoboda.org/a/24229432.html> [доступ: 25.04.2019].

⁸ См. Е. Харитонов, *Один такой другой такой*, „Искусство кино“ 1991, № 11, с. 117–119; Е. Харитонов, *В холодном высшем смысле*, „Искусство кино“ 1991, № 11, с. 120–125.

⁹ Двухтомник произведений *Слезы на цветах* был опубликован в 1993 году, следующий сборник — *Под домашним арестом*, содержащий те же произведения с новыми комментариями, появился в 2005 году.

¹⁰ С. Бавин, И. Семибратова, *Судьбы поэтов Серебряного века*, Москва 1993, с. 248.

¹¹ Н. Богомолов, Д. Малмстад, *Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха*, Санкт-Петербург 2007, с. 229.

Авангардная тематика произведений, естественно, вызвала большой общественный резонанс в момент публикации. Как отмечает Эва Комисарук: „Его проза была и является предметом полемики и крайних оценок, от восторга по нескрываемую неприязнь”¹². Однако, нельзя отрицать, что творчество Кузмина стало также предметом интереса многих ученых. Следует подчеркнуть, что большое количество работ, начиная с 90-х годов, посвящается тщательному разбору лейтмотива его творчества — однополю любви. Толерантный подход к изложению данного вопроса можно объяснить тем, что Кузмин ассоциируется с далеким прошлым, мифической и декадентской средой петербургской богемы времен Серебряного века. Сегодня существует много научных работ, посвященных либеральной нравственности царящей в этот период в художественных кругах Северной столицы¹³, в которых гомосексуализм не являлся чем-то неслыханным или пошлым, а даже воспринимался как модное интеллектуальное увлечение. Мотив „другой” любви является органическим компонентом творчества Кузмина, а сам автор является представителем той раскрепощенной и свободной части российского общества начала XX века. Очередным важным фактором, который позволил начать новые углубленные исследования кузминского творчества, являлась смена политической и культурной обстановки. Доступ к ранее закрытым архивам и библиотечным фондам, а также обнаружение ранее неизвестного фактографического материала пролили новый свет на творчество и персону автора¹⁴.

На примере возрождения интереса к творчеству Кузмина можно полагать, что именно начало 90-х годов, было самым подходящим временем для появления в печатной литературе гомосексуального концепта. Однако, особого читательского или научного спроса на предлагаемую Харитоновым гомосексуальную тематику в постсоветском культурном пространстве 90-х годов не было. Следует отметить, что находящийся в этом пространстве читатель, имеющий все еще советскую восприимчивость не только гомосексуальной, но и сексуальной эстетики в целом, не был готов оценить должным образом смелые, но трудные произведения Харитонова. Согласно мнению Ярослава Могутина:

Аудитория, которая могла бы адекватно оценить их уровень, избавившись от предвзятого отношения к тематике, была ничтожно мала: фактически, только круг знакомых и единицы интеллектуалов, для которых мотивы однополю любви в русской литературе (не говоря о западной!) не казались чем-то невероятным¹⁵.

¹² E. Komisaruk, *Proza Michaila Kuzmina*, Wrocław 2002, с. 126.

¹³ О гомосексуальных кругах дореволюционного Петербурга писали Дан Хили и Константин Ротиков: Д. Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства*, науч. ред. Л. Бессмертных, Ю. Михайлов, пер. Т. Люгачева, В. Новиков, Москва 2008; К. Ротиков, *Другой Петербург*, Санкт-Петербург 2012.

¹⁴ E. Komisaruk, *Proza...*, с. 124.

¹⁵ Я. Могутин, *Каторжник...*, с. 12.

В тот период изложение гомосексуального вопроса в искусстве оставалось крайне редким явлением. Даже если среди столичной богемы подобная тематика приветствовалась, то от российского квир-художника, а в том числе и писателя, ожидалось скорее „воспроизведение западной квир-эстетики”¹⁶, чем расположение подобного мотива в советских реалиях. В качестве примера можно привести хотя бы скандальный дебют балансирующей на грани порнографии повести Эдуарда Лимонова *Это я — Эдичка*. Присутствие гомоэротической сюжетной линии вызвало сильный ажиотаж в литературных кругах, благодаря чему западная публикация Лимонова в России стала настоящим западным коммерческим успехом¹⁷, а его творчество навсегда вписалось в русский литературный пейзаж.

В свою очередь нишевое и совершенно неориентированное на подражание новейшим литературным тенденциям творчество Харитоновна вышло на свет тихо и незаметно. Его произведения стали осиротевшими и незащищенными: некому было вдаваться в полемику с многочисленными критиками¹⁸, относившимися к тонкому изложению вопроса однополрой любви с иронией, неприятием и ханжеством. Кроме таких энтузиастов, как друзья автора, деятели русского квир-общества во главе с Ярославом Могутиним, никто больше не вставал в защиту его новаторской писательской концепции.

Еще одной причиной неблагоприятной судьбы творчества Харитоновна, как бы парадоксально ни звучало, стали сами его произведения. Специфическая, порой зашифрованная лексика, форма, напоминающая джойсовскую концепцию „потока сознания”, и трудный сюжет — это компоненты, которые в соединении со смелой гомо-эротической эстетикой, значительно затрудняют текст неопытного читателя. Однако, самый трудный в восприятии элемент прозы и поэзии Харитоновна — это чуть ли не детская, отчаянная искренность повествования. Автор совершает эмоциональное самообнажение, выговаривая вслух все самое интимное, все то, что могло

¹⁶ Е. Фикс, *Теория плешки*, „Художественный журнал” 2013, № 91, <http://moscowartmagazine.com/issue/5> [доступ: 21.04.2019].

¹⁷ Грубо эротические произведения, появляющиеся на молодом российском издательском рынке, вызывали скандал. Объяснить, почему Лимонову на родине сразу же приклеили ярлык скандального писателя очень легко: многие литературоведы упрекают автора в том, что успех, а скорее популярность его романа, опирается лишь на одном фрагменте — прославленной сцене секса главного героя с чернокожим мужчиной. Подтверждением этого служит следующее высказывание Николая Работнова: „Можно как угодно оценивать эту эскапату автора, но одного отрицать нельзя — прием [...] сработал стопроцентно эффективно, без него, не исключено, писателя Лимонова на сегодня просто не существовало бы. А шум был глобальный”. Сегодня трудно однозначно определить — был ли данный фрагмент обдуманым шагом автора, но нельзя отрицать, что столь смелое представление гомосексуального акта было отправной точкой в писательской карьере Лимонова. См. Н. Работнов, *Колдун Ерофей и переросток Савенко*, „Знамя” 2002, № 1, <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/1/rab.html> [доступ: 23.04.2019].

¹⁸ Обзор критических статей, появившихся в связи с публикацией сборника *Слезы на цветах*, сделал Я. Могутин в предисловии.

бы остаться некоей недоговоренностью. Как отмечал Кирилл Рогов, именно такой авторский прием и есть сутью „запрещенной речи, которая должна быть трудна для читателя, как и для писателя [...]”¹⁹. Небрежность записи, перечеркнутые или сокращенные слова и деформированные синтаксические конструкции усиливают ощущение „домашнего” писательства — личного письма или страницы из дневника написанной карандашом. Писатель пишет про одиночество и безответную любовь к другому мужчине, про то, как в силу запретности на проявление своих любовных предпочтений²⁰, поиски любви приобретают форму замысловатой интриги. Писатель ведет повествование от лица человека, которого советское законодательство и общество лишило какого-либо права на выражение своей индивидуальности и сексуальной идентичности, от лица человека как бы несуществующего, маргинального. Его судьба, если искать аналогии в классической русской литературе, — это судьба „маленького человека”. Гомосексуалист Харитонов — авторская транскрипция образа униженного и оскорбленного, иногда даже трагикомического, но все-таки „лишнего” персонажа²¹. Автор не романтизировал времени, в котором жил, потому что, как писал Кирилл Рогов, „[...] для Харитонova слишком важно не обманываться и отчетливо фиксировать свое положение”²². Он не идеализировал времени и построил свою гомосексуальную эстетику на грубости и серости советского быта, усиливая тем самым подлинность текстов.

Алейда Ассман на одной из авторских встреч с московской аудиторией сказала, что „россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое из того, что в какой-то момент после распада СССР стало выходить на поверхность”²³. Этот диагноз, хотя в данном контексте имеющий отношение, скорее, к историческим архивам, очень хорошо иллюстрирует механизм постсоветского забывания или замалчивания некоторых тем, особенно тех, которые на протяжении многих лет поддавались полной табуизации. Таким „неудобным” вопросом всегда была и, к сожалению, остается до сих пор, гомосексуальная любовь. Творческая судьба Харитонova является примером того, как внелитературный элемент, то есть моральная цензура,

¹⁹ К. Рогов, *Экзистенциальный герой и „невозможное слово” Евгения Харитонova*, [в:] Е. Харитонов, *Под домашним арестом*, Москва 2005, с. 7.

²⁰ Следует помнить, что в СССР интимные гомосексуальные отношения подвергались наказанию в виде лишения свободы. Речь идет о прославленной 121-й статье УК РСФСР (мужеложство). Статья была отменена только в 1993 году. Однополый любви и гомофобии в СССР посвятил ряд статей и научных работ вышеупомянутый Игорь Кон: И. Кон, *Клубника на березке. Сексуальная культура в России*, Москва 2010; И. Кон, *Любовь небесного цвета*, Москва 2003.

²¹ Я. Могутин, *Каторжник...* с. 13.

²² К. Рогов, *Невозможное слово” и идея стиля*, „НЛО” 1993, № 3, с. 268.

²³ М. Берг, *Литературократия*, Москва 2000, с.154.

вытесняет ценную литературу из пространства культурной памяти²⁴. Сложно, однако, понять, почему столь многогранная и уникальная литература все время остается почти незамеченной также среди ученых. Творчество Харитонича является любопытным материалом для литературоведческого анализа, особенно в плане исследования сексуальной ориентации и гендерной идентичности в гетеронормативных советских условиях, тем более что кроме Харитонича подобную литературную концепцию можно найти только в произведениях Геннадия Трифонова. К сожалению, в России произведения Харитонича, с редкими исключениями, воспринимаются до сих пор, скорее, как доморощенная гей-проза второго ряда, нежели ценное свидетельство о жизни представителя гомосексуального меньшинства времен СССР.

Безызвестность, а точнее „забвение” Харитонича как автора, учитываемая также обстановка публикации его произведений и их литературные свойства, может показаться обоснованным — это такого рода литература, с которой массовому читателю просто „не по пути”. Тем не менее, можно утверждать, что творчество Евгения Харитонича является частью русской культурной памяти лишь временно находящейся в фазе забвения, но необреченным на *damnatio memoriae*. Исходя из приведенного в начале работы высказывания Юрия Лотмана, смена парадигмы памяти-забвения культуры является натуральным последствием изменений происходящих в обществе, политике и т. д. Следовательно, единственной возможностью зарождения интереса читателей, но прежде всего исследователей, к столь необычной литературе является изменение общественного менталитета.

Библиография

- Bavin S., Semibratova I., *Sud'by poëtov Serebrânogo veka*, Moskva 1993.
 Berg M., *Literaturokratiâ*, izd-vo „Novoe Literaturnoe Obozrenie”, Moskva 2000.
 Fiks E., *Teoriâ pleški*, „Hudožestvennyj žurnal” 2013, № 91, <http://moscowartmagazine.com/issue/5>.
 Garstenaueŕ T., *Gendernye i kvir-issledovaniâ v Rossii*, „Sociologičeskie nauki” 2018, № 1.
 Komisaruk E., *Proza Michaila Kuzmina*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2002.
 Lotman Ū., *Pamât' v kul'turologičeskom osvešenii*, [v:] *idem, Izbrannye stat'i*, izd-vo „Aleksandra”, t. 1, Tallin 1992.
 Mogutin Â., *Katoržnik na nive bukvy*, [v:] E. Haritonov, *Slezy na cvetah*, izd-vo „GLAGOL”, Moskva 1993.
 Perehodceva O., *Koncepcii pamâti v sovremenom zapadnom literaturovedenii*, „Vestnik Permskogo universiteta. Rossijska i zarubežnaâ filologičeskaâ nauka” 2012, № 1.
 Rogov K., *Ėkzistencial'nyj geroj i „nevozmožnoe slovo” Evgeniâ Haritonova*, [v:] E. Haritonov, *Pod domašnim arestom*, Moskva 2005.
 Rogov K., *Nevozmožnoe slovo” i ideâ stilâ*, „NLO” 1993, № 3.
 Roldugina I., *„Počemu my takie lûdi?”: Rannesovetskie gomoseksualy ot pervogo lica: novye istočniki po istorii gomoseksual'nyh identičnostej v Rossii*, „Ab Imperio” 2016, № 2.
 Volček D., *V dvojnomy podpol'e*, <https://www.svoboda.org/a/24229432.html>.

²⁴ Г. Бинова, *Евгений Харитонович в контексте „новой волны” в русской традиции*, [в:] „Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity” 1998, т. 10, с. 80.

The work of Yevgeny Kharitonov as a part of Russian cultural memory

Summary

The aim of the article is to bring the works of Yevgeny Kharitonov closer, as well as trying to place him in the space of Russian cultural memory. What is more, the reasons why he remains a forgotten writer up to now have been considered. Jurij Lotman's works concerning cultural memory have been used as the main interpretation source. As a result, of the considerations it may be assumed that Yevgeny Kharitonov's works remain temporarily forgotten due to changes in the field of Russian cultural memory, as well as processes taking place in both society and in contemporary Russian culture.

Keywords: Russian gay literature, cultural memory, USSR, Yevgeny Kharitonov, Mikhail Kuzmin

Twórczość Jewgienija Charitonowa jako część rosyjskiej pamięci kulturowej

Streszczenie

W artykule została podjęta próba usytuowania twórczości Jewgienija Charitonowa w przestrzeni rosyjskiej pamięci kulturowej. Wymieniono również czynniki, które sprawiły, że pozostaje on pisarzem zapomnianym. Punktem wyjścia zaprezentowanych rozważań były ustalenia Jurija Łotmana dotyczące pamięci kulturowej. Podsumowując, można stwierdzić, iż twórczość Jewgienija Charitonowa pozostaje w fazie tymczasowego zapomnienia, uwarunkowanego zmianami dokonującymi się w obszarze rosyjskiej pamięci kulturowej, a także procesami zachodzącymi w społeczeństwie oraz współczesnej kulturze rosyjskiej.

Słowa kluczowe: rosyjska literatura gejowska, pamięć kulturowa, ZSRR, Jewgienij Charitonow, Michaił Kuzmin